СОВРЕМЕННАЯ ЖУРНАЛИСТИКА: ТЕМАТИКА И ПРОБЛЕМАТИКА

Соловьева Диана Юрьевна, аспирантка кафедры зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: di.solov@mail.ru

ОТРАЖЕНИЕ ПРИНЦИПОВ НОВОГО ИСТОРИЗМА В СОВРЕМЕННЫХ СМИ

В статье анализируются материалы англоязычных средств массовой информации в контексте их взаимосвязи с концепцией нового историзма. Выявляются основные принципы, сближающие медиатексты с текстами новых историков: текстуальность истории, релятивизм, идеологичность, метод произвольной интерпретации.

Ключевые слова: *новый историзм, постмодернизм, исторические вопросы в СМИ.*

Diana Yu. Solovyova, PhD student at the Chair of Foreign Journalism and Literature, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University; e-mail: di.solov@mail.ru

PRINCIPLES OF NEW HISTORICISM IN MODERN MEDIA

The article analyzes English-language media materials on the basis of their interconnection with the concept of new historicism. The general principles, which relate media texts to the texts of new historians, such as textuality of history, relativism, ideologism, and the arbitrary interpretation method, are pointed out. Textuality of history in mass media materials in texts on historical themes is shown not in informing (or educative), but in the primacy of interpretative function. History is exploited by journalists as an argument for protection of some specific ideological position. The possibility of arbitrary interpretation leads to admissibility of variative handlings of the same event and to refusal from searching an objective worldview. In journalism such approach influences reliability of materials, it makes possible to substitute a real event by fictional alternative versions. The abundance of such versions spreads confusion about the concept of truth which means loss in an information field for mass audience and growing apathy concerning the opportunity to deal with modern political and ideological processes and opportunity to effectually influence them.

Key words: *new historicism, postmodernism, issues of historical science in media.*

Введение

Зародившаяся в 80-х гг. XX в. литературно-критическая школа нового историзма основывается на двух взаимоисключающих постулатах марксизма и постструктурализма[1]. Вслед за марксистами, новые историки настаивают на идеологичности каждого текста и его обусловленности социально-политическим контекстом. При этом, новые историки используют постмодернистский тезис о текстуальности истории. История, по их мнению, существует в качестве текстов, в которые всегда вложена авторская позиция, а не в качестве отражения действительных событий. Новые историки, вслед за Р. Бартом и М. Фуко, переносят угол зрения с объективной действительности на субъект, который эту действительность описывает, еще точнее – на способ, которым он это делает. Созданный историком, писателем или даже журналистом нарратив, таким образом, *творит* историю. Так описал эту ситуацию Ф. Уэбстер, «...мы живем не в мире, о котором у нас есть какая-то информация. Напротив, мы обитаем в мире, созданном информацией» (Уэбстер, 2004: 333).

По справедливому замечанию Уэбстера, постмодернизм существует не только как интеллектуальное направление, но и как социальное явление (Уэбстер, 2004: 318). Помимо интеллектуальных построений теоретиков постмодернизма (которые могут быть спорными), постмодернизм активно функционирует в социальной действительности и описывает некоторые особенности современного этапа развития общества. Информационное пространство, в частности, сфера массмедиа является сферой, которая, будучи полностью включенной в современный социальный контекст, не может не испытывать на себе влияния постмодерна. В настоящий момент актуально не только изучение того, как журналистика функционирует в условиях постмодернизма, но и то, какие последствия это имеет как для СМИ, так и для их аудитории.

О некоторых особенностях журналистики постмодерна писали Ж. Бодрийяр (1999), Д. Хармс и Д. Диккенс (1996). Среди отечественных медиаисследований стоит отметить работы В.В. Хорольского (2009), Е.А. Зверевой (2011: 265–272).

Концепция нового историзма несомненно существует в рамках постмодернистской парадигмы мышления[2], однако новых историков интересует, прежде всего, «поэтика и политика культуры» определенной исторической эпохи – само название и содержание

течения указывает на особый интерес к истории. Исследования новых историков пограничны: они не являются в полной мере ни литературно-критическими, ни историческими. Они также стоят на границе научного исследования и художественного текста. Эта характерная для постмодернизма «пограничность», «междисциплинарность» позволяет соотнести методы нового историзма с методами, которые используют в своей работе писатели и даже журналисты, начиная со второй половины XX века и заканчивая сегодняшним днем[3].

Выделим основные принципы нового историзма, на основе которых будут проведены параллели между концепцией нового историзма и тенденциями, существующими в средствах массовой информации:

– *текстуальность истории*: новые историки рассматривают историю как нарратив, сконструированный тем или иным автором – такой подход позволяет создавать возможные, вероятные версии истории;

- *произвольная интерпретация:* размывание границы между литературой и историей приводит к тому, что ученый (историк, филолог) перенимает методы работы художника – произвольный, субъективный комментарий;

- *релятивизм:* перемещение исторической реальности в языковую сферу, а также допустимость вариативных трактовок истории приводит к отказу от поиска объективной истины;

- *идеологичность:* сам автор нарратива неизбежно оказывается включенным в то или иное идеологическое поле, а его текст является транслятором «властных отношений» эпохи.

Принципы нового историзма, проявляющиеся в *литературном* тексте, рассматриваются в статьях З. Эр (2005 a, b) (на примере пьес Тома Стоппарда), а также в нашей статье (Соловьева, 2016). ***Новизна*** данного исследования заключается в описании того, как функционируют принципы нового историзма в *медийном* тексте. На сегодняшний день подобные работы отсутствуют. Для анализа привлечены материалы англоязычных средств массовой информации, в которых авторы так или иначе обращаются к историческому материалу или обнаруживают общие с новыми историками методы работы с текстом.

Актуальность исследования заключается в описании и анализе тенденций, существующих в настоящее время в сфере массмедиа. Журналистика в условиях постмодерна сталкивается с рядом про-

блем: релятивизм, открывающий возможности для манипуляции и фальсификаций, недостоверность фактов, идеологический «хаос». Описание и анализ механизмов возникновения данных явлений в журналистике и процесса их функционирования важно как для журналистов, так и для аудитории. Понимание этих тенденций способствует формированию более внимательного отношения журналистов к созданию собственных текстов и служит фильтром для аудитории при потреблении контента.

Ключевой ***проблемой*** для нас станет противоречие, возникающее между используемым в СМИ принципом нового историзма, согласно которому история текстуальна, а автор нарратива (журналист) выполняет интерпретаторскую функцию, и традиционной функцией журналистики, заключающейся в объективном отражении событий, происходящих в мире, информировании о них.

Так, нашей ***целью*** станет выявление и описание того, как в текстах средств массовой информации используются методы и приемы нового историзма, и каковы последствия этого для массовой аудитории.

Комментарий как основная форма функционирования исторического материала в СМИ

Мишель Фуко говорил о существовании двух видов дискурсов: с одной стороны, основополагающих, рождающих иные дискурсы, с другой стороны – тех, которые уточняют, повторяют, интерпретируют и комментируют. Роль последних заключается в том, чтобы «сказать, наконец, то, что безмолвно уже было высказано... (в первичном тексте. – *Д.С.*)» (Фуко, 1996: 42), возвратиться к первоисточнику и облечь в слова подразумеваемое. В комментарии, по Фуко, акцент переносится со смыслового значения сообщения на сам факт повторения и обстоятельства, в которых это повторение осуществляется: «Новое не в том, что сказано, а в событии его возвращения» (Фуко, 1996: 43). При этом, комментарии иногда могут подменять сами первичные тексты. В литературе и литературной критике второй половины XX в. это не редкость. Скажем, в рассказах Борхеса мы можем столкнуться с такой литературной игрой: автор выдает себя за литературного критика, анализируя несуществующее произведение[4].

Новые историки также с повышенным вниманием относятся к второстепенным текстам. Стивен Гринблатт (Greenblatt, 1990: 14)

отмечает готовность «читать все текстуальные следы прошлого с тем вниманием, которое по традиции доставалось только литературным текстам».

Идея замены первоисточника комментарием важна для понимания специфики функционирования исторического факта в текстах средств массовой информации. Сама сущность журналистских текстов предполагает, что *любой* материал в СМИ, посвященный той или иной исторической теме, – является интерпретацией или комментарием. Более того, журналистика в данном случае представляет собой уже *вторичную* интерпретацию. Если взять за основу тезис новых историков и постструктуралистов о текстуальности истории, то первый акт интерпретации история проходит в тот момент, когда ее фиксирует в виде текста историк (И 1)[5]. Журналист в своем тексте уже вторично интерпретирует историю, адаптируя материал для массовой аудитории (И 2). Этот процесс можно представить в виде следующей формулы:

ИФ (исторический факт) > И 1 (интерпретация историка) > И 2 (интерпретация СМИ).

Иными словами, читатель всегда имеет дело с журналистским комментарием того или иного исторического события или периода. Это сопряжено с рядом проблем. Среди них: неизбежное упрощение материала, потеря достоверности и объективности и, наконец, открытые возможности для фальсификаций и манипуляции массовым сознанием.

Актуализация истории как способ обсуждения проблем современности

«Именно в Британии критики, представляющие так называемый «культурный материализм», стали полемически заострять внимание на целях, которым служат те или иные версии английского исторического прошлого, выдвигаемые историческим настоящим, – то есть изучать историю идеологических аппроприаций Ренессанса» (Montrose, 1989: 27), – пишет Луи А. Монроз в одном из программных текстов нового историзма «Изучение Ренессанса: поэтика и политика культуры». Практикуемое в Великобритании литературно-критическое течение «культурный материализм» и новый историзм часто связывают как родственные направления в литературоведении[6]. Именно представители куль-

турного материализма в своих исследованиях рассматривали историческое прошлое как площадку для обсуждения проблем, значимых для современной им Англии (в данном случае, имеется в виду политика тэтчеризма 1980-ых годов) (см.: Barker, 1986; Sinfield, 1992).

Однако новый историзм, несмотря на большую погруженность в социально-культурный контекст изучаемой эпохи, также тесно связан с современностью. Эта связь обусловлена убеждением новых историков в том, что любой исследователь (писатель, историк, даже журналист – то есть любой создатель нарратива) включен в ту или иную идеологию. Монроз приводит ряд примеров. Один из них: доклад Уильяма Беннета (впоследствии министра образования США) «О состоянии гуманитарного образования в высшей школе» (1984 г.): в нем он ставит задачей университетов – сохранение традиционных западных ценностей, которые служат «цементирующим началом» для плюралистического американского общества. Монроз определяет это выступление как полностью идеологичное: «...Беннет и сам оценивает гуманитарные науки «на основании их связи с определенной социальной позицией» – а именно, на основании их роли в воспроизводстве господствующего социально-культурного порядка посредством нейтрализации различий, сдерживания альтернативных и оппозиционных ценностей и интересов (феминизм, этнические меньшинства, экономически ущемленные люди)» (Montrose, 1989: 28). Еще интереснее пример журналистского материала, на который ссылается Монроз. Он цитирует передовицу «Сан Диего Юнион» (The San Diego Union), в которой новые историки названы «профессорами-леваками», использующими Шекспира как средство демонстрации того, как общество XVII в. ущемляло различные меньшинства, и подают «грубые и превратные интерпретации бессмертной словесности под соусом «нового историзма» (Montrose, 1989: 29). (Что характерно, журналистский материал в данном случае строится на работе Алана Блума «Конец американского разума», в которой он критикует школу нового историзма. Это еще раз подтверждает тезис о том, что журналист уже вторично интерпретирует действительность.) По мнению Монроза, само наличие подобных материалов указывает на то, что их «понимание и преподавание Шекспира затрагивает чьи-то самые непосредственные интересы», (Montrose, 1989: 29).

Рассмотрение современных текстов СМИ позволяет выявить схожие тенденции: журналист может обращаться к историческому материалу для иллюстрации проблем, актуальных сегодня. Это обусловлено ключевой характеристикой текстов массмедиа – публицистичностью. Журналист часто ссылается на исторические тексты как на авторитетные источники, которые доставляют материалу более убедительную аргументацию. Историческое событие выступает в качестве своего рода подтверждения транслируемых в журналистском тексте сообщений: то, что я говорю, истинно – потому что так было в прошлом. Чем масштабнее событие – тем чаще его «эксплуатируют» журналисты. Причем одно и то же историческое событие, в различных журналистских интерпретациях (в том числе, в вариантах альтернативной истории), может использоваться для поддержки противоположных точек зрения.

Для Великобритании одним из таких ключевых исторических событий, к которому часто апеллируют журналисты, является Первая мировая война. Сквозь призму отношения к войне становятся различимы основные идеологические процессы, протекающие в современной Британии. Основной вопрос, связанный с Первой мировой, формулирует колумнист «Гардиан» (The Guardian) Мэттью Данкона в одной из своих статей[7]: он касается значения войны и морального отношения к ней – является ли Первая мировая война и участие в ней Великобритании оправданным? Решение этой исторической проблемы является индикатором политической позиции автора.

Статья Данкона с заголовком «Первая мировая война до сих пор с нами. Поэтому мы помним»[8], опубликованная в ноябре 2015 г., сама по себе является замечательным примером использования принципов нового историзма в журналистике. Материал, по сути, представляет собой краткий дайджест, в котором собраны точки зрения на Первую мировую войну, существующие сегодня не только в общественно-политическом поле, но и в научной среде. Что характерно, журналист, как мы отмечали выше, ссылается на научную литературу (вторичный комментарий) – на историков (которые при этом могут быть и журналистами, и политиками): он упоминает Ниала Фергюсона, Алана Кларка, Джереми Паксмана. При этом, ссылаясь на той или иной текст, он отмечает политическую позицию автора (например, «...консервативный историк Ниал Фергюсон...»). Тем самым читателю открыто сообщается: те тексты, на которые опирается журналист, уже сами по себе идео-

логичны – указание на это собственно и является одной из задач материала.

В то же время, сам Данкона пишет текст о Первой мировой войне по конкретному поводу: в связи с публикацией на сайте «Телеграф» (The Telegraph) видеоролика, в котором лидер лейбористской партии Джереми Корбин критикует правительство за трату огромных сумм на мероприятия, организованные в память о войне. Журналист указывает, что главная цель выпада Корбина – это действующий режим Кэмерона. Соответственно, основной вывод, сделанный в материале – необходимость разделять политику и память (красный мак – это «не символ милитаризма, а символ связи между живыми и мертвыми», а память – это «не прославление военного дела, а коллективное переживание благодарности тем, кто служил и тем, кто пал»). При этом статья красноречиво заканчивается фразой: «...политик, не способный увидеть этой разницы, не может быть премьер-министром»[9]. Так, Первая мировая война в материале Данконы становится поводом как к описанию тех идеологических процессов, которые протекают в современном обществе, так и к обозначению собственной политической позиции.

Произвольная интерпретация как метод работы с историческим фактом

Журналист «Гардиан» ссылается и на другой интересный материал: статью Майкла Гоува (на тот момент министра образования Великобритании) «Почему левые настаивают на принижении истинных британских героев?», опубликованную в «Дейли Мейл» (Daily Mail) в январе 2014 г.[10] Гоув называет Первую мировую войну «справедливой войной», участие в ней, по его мнению, было благородным делом: «...те, кто воевал, были не просто простофилями, они осознанно верили в монарха и страну, были преданны идее защиты западного либерального порядка»[11]. Его собственная точка зрения преподнесена как оппозиция распространенным в обществе «мифам» о войне, поддерживаемых левой идеологией: «Наше понимание войны перекрыто ее неправильным пониманием и неправильным представлением[12] (искажением)»[13]. Главным объектом критики выступают продукты массовой культуры (такие как мюзикл «О, какая прекрасная война» и телевизионный сериал «Черная гадюка»), посредством

которых зритель, по мнению Гоува, и приобретает искаженное представление о войне.

В редакционной статье «Обсервер» (Observer) материалу Гоува была дана следующая оценка: «Обличительная речь мистера Гоува о том, что «правильно» помнить о Первой мировой войне, как об «однозначно ужасающей, но справедливой войне» – это тоже просто политика»[14]. Не вдаваясь в политическую ситуацию современной Великобритании, отметим важные для нас моменты: статья Майкла Гоува, так же как и телесериал «Черная гадюка», являются примерами нарративистского понимания истории. Основной признак этого – замена исторических фактов их интерпретацией. Проблема в данном случае заключается в том, что как телесериалы, так и материалы СМИ, становятся для массовой аудитории фильтрами на пути к собственно историческому знанию. В результате, читатель или зритель получает уже готовую интерпретацию, то есть начинает с того, чем нужно заканчивать: идет не от факта к обобщению, а от обобщения к факту.

Для постмодернизма характерна интеллектуальная игра – она рассчитана на образованного читателя, который, обладая фактическими знаниями, сможет «считать» ироничный смысл искажения этих фактов (на этом принципе и основывается телесериал «Черная гадюка»). Для искусства XXI в. такой игровой принцип является одним из основополагающих – он же лежит в основе жанра альтернативной истории. Художник отступает от фактов для того, чтобы рассказать о своем отношении к предмету (например, к историческому периоду или событию)[15]. Опубликованный в «Нью-Йорк таймс» комментарий режиссера Твентина Тарантино к фильму «Бесславные ублюдки» может выступить в качестве наглядной иллюстрации: «Я не хотел преподавать урок истории. Для этого вы можете включить «Хистори Чэннел» – который также мог бы быть назван «Гитлер Чэннел». Я просто хотел рассказать свою историю и иметь ту же свободу, как если бы я рассказывал любую другую историю»[16].

Данный подход соотносится с тезисом новых историков о текстуальности истории. В рецензии Дэвида Кокса на «Бесславных ублюдков», опубликованной в «Гардиан», справедливо замечено, что реальные события Второй мировой войны полностью деформируются именно из-за того, что исторические факты подменяются авторским нарративом: «Сам Тарантино как-то заметил: "В этой истории кино изменяет мир и мне чертовски нравится эта

идея!" Однако его фильм делает даже больше этого. Пламя операции "Кино" уничтожает не только Третий Рейх, но и саму реальность»[17]. В искусстве постмодернизма реальность представлена в виде текста, изменения же в тексте являются художественным приемом, который может говорить о многом: давать оценку событиям, рассказывать об авторе, даже (как в фильме Тарантино) «мстить» реальности (статья в «Гардиан» названа «Бесславные ублюдки» – это месть кинематографа жизни). Радикальный, очевидный пересмотр исторических событий в данном случае – это способ выразить авторское отношение к событиям Второй мировой войны, «жалобный протест против неадекватности того, что произошло в действительности»[18].

В рамках художественного текста такой прием является элементом поэтики и выполняет свои задачи. Искусство как авторский вымысел допускает вариативные субъективные оценки. Однако в средствах массовой информации постмодернистская игра может функционировать вполне серьезно и с вполне конкретной целью – включения массовой аудитории в определенное идеологическое поле. Неслучайно статья Майкла Гоува была опубликована именно в «Дейли Мейл» – массовой газете с тиражом 1, 576, 121[19].

Проблема достоверности

В мае 2012 г. в газете «Нью-Йорк Таймс» (The New York Times) был опубликован материал «Капиталисты и другие психопаты»[20]. Его автор, ссылаясь на исследование 2010 г., отметил, что 10% людей, работающих на Уолл-стрит, являются клиническими психопатами. Спустя несколько дней в американской прессе появились статьи, опровергающие эти данные: оказалось, журналист «Нью-Йорк Таймс» в своем материале ссылался на «несуществующее исследование»[21]. Ошибка была допущена следующим образом: информация о том, что один из десяти работающих на Уолл-Стрит является психопатом, появилась в марте 2012 г. в журнале «Вик» (The Week)[22], журналист «Вик», в свою очередь, ссылался на статью в журнале Института CFA[23], и уже эта статья выводит нас к первоисточнику – исследованию канадского судебного психолога Роберта Хэа (Hare). Однако Роберт Хэа никогда не публиковал исследования, содержащего подобные данные. В единственном близком по содержанию исследовании с участием Хэа (Babiak,

Neumann, Hare, 2010) говорилось о том, что примерно 4% опрошенных корпоративных работников (которые не имеют отношения к Уолл-стрит) склонны к психическим расстройствам. Именно эти данные и опубликовала «Нью-Йорк Таймс» спустя несколько дней в опровержении.

Данный случай напоминает детскую игру «Сломанный телефон» и является наглядной иллюстрацией того, как многоступенчатая система комментариев, которую и представляют собой современные тексты средств массовой информации, приводит к утрате изначального смысла. Важно то, что если в научном дискурсе комментарий всегда сопровождается ссылкой на первоисточник, то в текстах СМИ требование обязательности снято. Не каждый читатель проверит источник информации, которую предлагает ему журналист. При этом, часто первоисточник вообще не получается найти.

Ситуация отсылки к «несуществующему исследованию» удивительно похожа на рассказы Борхеса с комментированием несуществующих произведений. Однако если в случае Борхеса, мы имеем дело всего лишь с интеллектуальной игрой, не выходящей за рамки художественного вымысла, то в СМИ потеря достоверности является ошибкой, которая ведет к определенным последствиям. Как отметил Дж. Эпстейн, результат этой ошибки – «сумасшедший с Уолл-стрит, буйствующий в воображении людей»[24].

Еще важнее то, что ссылки на те или иные источники в текстах СМИ не являются смыслообразующими. Журналист конструирует свой материал, не опираясь на исследования, а напротив – использует необходимые исследовательские данные для подтверждения своей точки зрения. Эта тенденция во многом связана с постмодернистским тезисом о допустимости нескольких разнообразных интерпретаций одного и того же явления.

Луи А. Монроз в «Изучении Ренессанса: поэтика и политика культуры» описывает свой подход к изучению культуры елизаветинской эпохи, который, по сути, заключается в создании собственной версии этой культуры. Перемещая угол зрения с объекта (будь то культура прошедших эпох в случае новых историков или информационная реальность в случае журналистских текстов) на субъект и его интересы, мы неизбежно попадаем в ситуацию допустимости вольной интерпретации. Об этом и пишет Монроз: «Как профессиональный читатель ренессансных текстов, я вложил некую часть себя <...> в создание разнообразных версий «Ренессан-

са». Версии эти представлены и сконструированы, открыты и изобретены в текстах, которые я называю моими. Выдвигая на первый план моих интерпретаций Шекспира или Спенсера такие вопросы, как гендерная политика, оспаривание культурных принуждений, социальная инструментальность литературы и театра, я тем самым не только включаюсь в наше неизбежное и непрерывное переизобретение елизаветинской культуры, но и делаю все возможное, чтобы это переизобретение содействовало преобразованию нас самих» (Montrose, 1989: 30).

В случае нового историзма такая позиция имеет определенную логику. Считая любой текст детерминированным идеологией, распространенной в обществе в момент его написания, новые историки, следуя собственной логике, включают сюда и собственные тексты. Ведь они, также как и другие создатели текстов, находятся внутри идеологии, а значит испытывают на себе влияние различных этнических, гендерных, классовых, профессиональных установок. Эта «система координат» и диктует авторам, каким образом интерпретировать другие тексты. Отсюда возникает множество трактовок, ибо на каждого человека действуют различные факторы.

В литературоведении такой подход преподносится новыми историками как возможность превратить литературную критику в «площадку интеллектуально и социально значимой работы в историческом настоящем», а также попытку «понять нашу собственную позицию в идеологическом поле» (Montrose, 1989: 31). В случае перенесения этого подхода в сферу массмедиа, он сулит ровно противоположный результат – нашу полную потерянность в идеологическом поле. Попробуем проиллюстрировать это на конкретных примерах.

В ноябре 2015 г. острую полемику в британской прессе вызвал материал, опубликованный в газете «Сан» (The Sun). На передовице газеты крупным шрифтом был напечатан заголовок: «Один из пяти британских мусульман симпатизирует джихадистам»[25]. Над заголовком была размещена надпись: «Эксклюзив: шокирующий опрос». Статья тут же вызвала бурю негативных отзывов – в Независимую организацию по соблюдению стандартов в прессе (IPSO) поступило около 2 600 жалоб, касающихся этого материала[26]. Критику вызвала методология опроса, а также интерпретация его данных.

Материал «Сан» основывался на результатах исследования, проведенного «Survation»[27]. Согласно этому исследованию, подавляющее большинство – 71% британских мусульман – «не испыты-

вают симпатии к молодым мусульманам, покидающим Великобританию, чтобы присоединиться к бойцам в Сирии»; 5% им симпатизирует, 15% – испытывают некоторую симпатию. Интересно, что в марте этого же года «Survation» проводил аналогичный опрос, данные которого использовал «Скай Ньюс» (Sky News). По результатам этого опроса, количество мусульман, выражающих симпатию, было еще более высоким: 8% – симпатизируют и 20% – испытывают некоторую симпатию[28]. Однако материал в «Скай Ньюс» вышел под заголовком с совершенно противоположным семантическим значением: «Опрос: большинство не симпатизирует экстремистам»[29].

Выходит так, что независимо от имеющихся фактов и статистических данных, журналист в качестве интерпретатора может сделать *любой* вывод и в готовом виде преподнести его читателю. В арсенале журналиста, помимо всего прочего, находятся и визуальные средства убеждения: материал в «Сан» снабжен «кричащим» заголовком, набранным крупным шрифтом, изображением мусульманина с оружием в руках – что провоцирует читателя на определенную оценку. Как верно отмечено в редакционной статье «Гардиан», опрос, опубликованный в «Сан», подрывает доверие внутри общества, что в современной ситуации является помощью террористам. Средства массовой информации, таким образом, «создают представление о мире, который не существует, провоцируют страхи, которые не обоснованы, и плодят разногласия, которые не являются необходимыми или полезными»[30].

Утрата объективности. Манипуляция в СМИ

«В политике культуры не бывает незаинтересованных сторон и объективных позиций», – завершает свою статью Л. Монроз (1989: 30). Похожий тезис мы можем обнаружить в статье П. Померанцева в «Гардиан», в которой он ссылается на слова главного редактора «Russia Today» Маргариты Симоньян: «Никакой объективной журналистики не существует»[31]. Как справедливо отмечает Померанцев, если довести это утверждение до логического предела, то окажется, что «все истории одинаково правдивы».

Сторонники гносеологического релятивизма, как правило, говорят об «иллюзорной» объективности[32]: даже если мы стремимся к достижению истины, то это лишь заблуждение, лицеме-

рие или самообман[33]. Так, сторонники релятивизма часто апеллируют к честности, утверждая, что объективность заключается в признании отсутствия объективности. Однако если возвести в статус истины – отсутствие истины, то, как писал Гегель (1974: 58), получится, что «мы вправе судить и рядить, исходя из чувства и субъективного мнения», а доказательства можно заменить «заверениями и сообщениями о том, какие факты встречаются в сознании, признаваемом тем более чистым, чем оно менее критично».

В действительности, именно некритичное сознание, принимающее все точки зрения, является наиболее лицемерным. Некритичность, существующая в современном информационном пространстве (и воспитывающая тип «всеядного» читателя), скрывает под собой мнимую демократичность. П. Померанцев в материале «Кремлевские зазеркальные войны» указывает на новый тип пропаганды: обилие представленных точек зрения, вплоть до самых абсурдных, помогает скрыть правду или точнее – «размыть понятие правды как таковое». В качестве примера журналист ссылается на то, как освещалось в СМИ крушение малазийского самолета Boeing-777 в июле 2014 г. Сразу же после катастрофы в средствах массовой информации появилось множество различных версий произошедшего: о причастности украинских, российских военных, появилась версия о том, что самолет был сбит США по ошибке (целились в самолет В. Путина). Была опубликована версия, согласно которой самолет изначально был «набит трупами» (что является отсылкой к сюжету из популярного сериала «Шерлок»). Отсылка к вымышленным сюжетам, к источникам, которых не существует в реальности, сенсационность версий и, главное, их многочисленность – служат одной цели: ввести в медиапространство как можно больше информации, чтобы фактически невозможно было определить, какая является истинной. В условиях, когда в информационном поле понятие правды размыто, можно создать любую историю, даже если ее содержание будет предельно абсурдно. Более того, абсурдность даже играет на руку рассказчику, так как выделяет историю среди прочих: «Размыто само понятие рационального дискурса – и остается лишь спектакль. Тот, кто рассказывает более увлекательные истории, и делает это агрессивнее – то есть без оглядки на их правдивость – всегда перекричит того, кто пытается методично "доказывать" факты»[34].

Новые историки рассматривают любой текст в качестве транслятора «властных отношений» (power relations) эпохи (например, С. Гринблатт пишет о елизаветинском театре как о передатчике идеологии действующего класса). Причем, властные отношения подразумевают под собой не только действующую государственную власть – власть в понимании новых историков повсеместна и де-локализована[35].

Если вопрос о статусе художественных текстов остается спорным, то тексты массмедиа несомненно могут являться инструментами властных отношений любой эпохи. Власть нередко использует СМИ для распространения среди массовой аудитории установочных текстов, в которых озвучивает основные характеристики своей идеологии, задает оценку своим собственным действиям (как наглядный пример может выступить упомянутая выше статья М. Гоува). По верному замечанию А. Ю. Гарбузняк (2015), в таком случае «власть через массмедиа интерпретирует саму себя».

Однако если тексты СМИ неизбежно транслируют ценности той или иной политической силы и представляют ту или иную сторону «властных отношений», в то время как метод трансляции заключается в сотворении информационного мифа, то сам собой встает вопрос: а возможна ли объективная журналистика? Такой постмодернистский подход загоняет журналистику в тупик, а читателя оставляет без точки опоры в мире размытых истин и альтернативных реальностей.

Заключение

«Текст историчен – история текстуальна» (Montrose, 1989: 20) – так в самом кратком виде сформулирована теория нового историзма. Если перенести этот принцип в сферу массмедиа, то можно сделать следующие выводы:

- Историчность медийного текста обусловлена его включенностью в социальные отношения эпохи; журналист входит в структуру издания, которое находится в большей или меньшей зависимости от политической или экономической силы. Средства массовой информации, как правило, представляют ту или иную сторону властных отношений, существующих в обществе.
- Текстуальность истории в материалах средств массовой информации проявляется, прежде всего, в первичности

интерпретаторской, а не информирующей (или просветительской) функции в текстах на исторические темы. История, таким образом, «эксплуатируется» журналистами в качестве аргумента в защиту определенной идеологической установки.

- Примат информации над действительностью, авторской позиции над фактом, субъективного видения над объектом приводит нас к ситуации допустимости различных интерпретаций одного и того же явления. Когда основным методом журналисткой работы становится произвольная интерпретация, то журналистика становится неизбежно ангажированной в пользу той или иной силы: политической, экономической, социальной и т.п. Такой подход влияет на достоверность материалов, делает возможным подмену реального события вымышленными альтернативными версиями. Обилие таких версий приводит к размыванию понятия истины, что для массовой аудитории означает полную потерянность в информационном поле и растущую апатию в отношении возможности разобраться в современных политических и идеологических процессах и возможности на них действенно повлиять.

Примечания

---

[1] Для знакомства с теоретическими положениями школы нового историзма см.: H.A.Veeser (ed.) (1989). Подробный анализ концепции нового историзма дан в монографии: J.Brannigan (1998). В России новый историзм рассматривался в работах Ю.П. Зарецкого (2005), Е.Е. Савицкого (2011), И.П. Смирнова (2001), А. Эткинда (2001).

[2] Здесь мы будем иметь в виду, прежде всего, общий подход к вопросу соотношения реальности и текста. Новые историки, как и постмодернисты, абсолютизируют текст: в постмодернизме сама реальность (в новом историзме – история) представлена в виде текста. Рассматривая историческую эпоху, новые историки «уравнивают» все виды источников, что соотносится с постмодернистским тезисом о равноправии дискурсов.

[3] Следует отметить, что прямое влияние представителей нового историзма на авторов художественных и медийных текстов вряд ли возможно. Однако можно говорить об общем культурном и информационном пространстве их существования. Методы, зародившиеся в академической среде уже в конце XX в. (а в художественной литературе еще раньше – например, в текстах Х.Л. Борхеса), в XXI веке выходят в сферу массовой информации и приобретают иные модификации. Наша задача – проследить особенности и последствия этого процесса.

[4] Например, в «Пьере Менаре, авторе Дон Кихота» речь идет о вымышленном тексте вымышленного автора – Пьера Менара, который анализируется с литературоведческих позиций.

[5] Вспомним идеи Дж. Коллингвуда (1980: 231), озвученные в «Идее истории» о том, что историк подобен художнику, так как «на основании самых разных данных и показаний <...> создает воображаемую картину».

[6] В монографии Дж. Браннигана (Brannigan, 1998) течения рассматриваются как две разновидности одного направления в литературоведении.

[7] D'Ankona M. (2015) The first world war is still with us. That's why we remember. *The Guardian*, 02 November. Available at: http://www.theguardian.com/commentisfree/2015/nov/02/first-world-war-jeremy-corbyn-remembrance-day-red-poppy (accessed: 06.12.2015).

[8] Ibid.

[9] Ibid.

[10] Gove M. (2014) Why does the Left insist on belittling true British heroes? *MailOnline,* 02 January. Available at: http://www.dailymail.co.uk/news/article-2532923/Michael-Gove-blasts-Blackadder-myths-First-World-War-spread-television-sit-coms-left-wing-academics.html (accessed: 06.12.2015).

[11] Ibid.

[12] Характерно, что Гоув использует слово "misrepresentations": новые историки для обозначения включенности автора в ту или иную идеологию и отражения ее в тексте (даже если автор сам об этом не подозревает) используют термин «репрезентация», в данном же случае предполагается, что есть некая ложная репрезентация, которая противопоставлена истинной, которую представляет государственная идеология (в которую включен и сам Гоув).

[13] Gove M. (2014) Why does the Left insist on belittling true British heroes? *MailOnline*, 02 January. Available at: http://www.dailymail.co.uk/news/article-2532923/Michael-Gove-blasts-Blackadder-myths-First-World-War-spread-television-sit-coms-left-wing-academics.html (accessed: 06.12.2015).

[14] Michael Gove's intervention ignores the complexities of conflict (2014). *The Guardian*, 04 January. Available at: http://www.theguardian.com/commentisfree/2014/jan/04/gove-history-first-world-war (accessed: 06.12.2015).

[15] Следует отметить, что новые историки, оставаясь в рамках научного знания, не фальсифицируют факты для игры с читателем. Однако именно возможность произвольного комментирования фактов и событий (что характерно для нового историзма) лежит в основе такой игры.

[16] Hohenadel K.(2009) Bunch of Guys on a Mission Movie. *The New York Times*, 06 May. Available at: http://www.nytimes.com/2009/05/10/movies/10hoha.html (accessed: 10.04.2016).

[17] Cox D. (2009) Inglourious Basterds is cinema's revenge on life. *The Guardian*, 20 August. Available at: http://www.theguardian.com/film/filmblog/2009/aug/20/inglourious-basterds-tarantino-change-history (accessed: 10.04.2016).

[18] Ibid.

[19] По данным: http://www.newsworks.org.uk/Daily-Mail (дата обращения: 05.05.2016).

[20] Deresiewicz W. (2012) Capitalists and Other Psychopaths. *The New York Times*, 12 May. Available at: http://www.nytimes.com/2012/05/13/opinion/sunday/fables-of-wealth.html?_r=0 (accessed: 22.11.2015).

[21] См.: Epstein E.J. (2012) How Crazy Is Wall Street, New York Times? *The Daily Beast*, 17 May. Available at: http://www.thedailybeast.com/articles/2012/05/17/how-crazy-is-wall-street-new-york-times.html (accessed: 22.11.2015), Holiday R. (2012) How Your Fake News Gets Made (Two Quick Examples). Forbes, 24 May. Available at: http://www.forbes.com/sites/ryanholiday/2012/05/24/how-your-fake-news-gets-made-two-quick-examples/#135251e17e4f (accessed: 22.11.2015).

[22] Why is Wall Street full of psychopaths? (2012). *The Week*, 01 March. Available at: http://theweek.com/articles/477681/why-wall-street-full-psychopaths (accessed: 22.11.2015).

[23] DeCovny S. (2012) The Financial Psychopath Next Door // CFA *Institute Magazine* 23(2): 34-35. Available at: http://www.cfapubs.org/doi/abs/10.2469/cfm.v23.n2.20 (accessed: 22.11.2015).

[24] Epstein E.J. (2012) How Crazy Is Wall Street, New York Times? *The Daily Beast*, 17 May. Available at: http://www.thedailybeast.com/articles/2012/05/17/how-crazy-is-wall-street-new-york-times.html (accessed: 22.11.2015).

[25] 1 in 5 Brit Muslims' sympathy for jihadis (2015). *The Sun*, 23 November. Available at: http://www.thesun.co.uk/sol/homepage/news/politics/6758207/1-in-5-British-Muslims-have-sympathy-for-jihadis-in-poll.html (accessed: 28.11.2015)

[26] IPSO Upholds Complaint That Sun Article was Significantly Misleading. (2016). Independent Press Standards Organisation, 26 March. Available at: https://www.ipso.co.uk/IPSO/news/press-releases-statements.html (accessed: 28.11.2015).

[27] Islamic Identity & Community Relations Survey (2015). Survation, 20 November. Available at: http://survation.com/wp-content/uploads/2015/11/Islamic-Identity-Community-Relations-Survey.pdf (accessed: 28.11.2015).

[28] British Muslims Poll (2015). Survation, 20 March. Available at: http://survation.com/wp-content/uploads/2015/03/Full-Sky-Muslim-Tables.pdf (accessed: 28.11.2015).

[29] Poll: Majority Have No Sympathy With Extremists (2015). *Sky News*, 11 April. Available at: http://news.sky.com/story/1462023/poll-majority-have-no-sympathy-with-extremists (accessed: 28.11.2015).

[30] The Guardian view on the media after Paris: from fear to loathing, by way of made-up facts (2015). *The Guardian*, 24 November. Available at: http://www.theguardian.com/commentisfree/2015/nov/24/the-guardian-view-on-the-media-after-paris-from-fear-to-loathing-by-way-of-made-up-facts (accessed: 28.11.2015).

[31] Pomerantsev P. (2015) Inside the Kremlin's hall of mirrors. *The Guardian*, 09 April. Available at: http://www.theguardian.com/news/2015/apr/09/kremlin-hall-of-mirrors-military-information-psychology (accessed: 24.01.2016).

[32] «Возможность политической и институциональной активности не может опираться на иллюзию освобожденности от идеологии», – пишет Монроз (Montrose, 1989: 30).

[33] В журналистике такая точка зрения тоже имеет место. Упомянутая выше М. Симоньян в одном из интервью заявила: «Я считаю, что это абсолютно устаревший, с самого начала лицемерный и двуличный стереотип о том, что есть журналистика, а есть что-то авторское — любая журналистика авторская» (см.: Худой мир лучше доброй ссоры // Коммерсантъ FM. 2015. Дек., 15. Режим доступа: http://www.kommersant.ru/doc/2878102 (дата обращения: 24.01.2016)).

[34] Pomerantsev P. (2016) Inside the Kremlin's hall of mirrors. *The Guardian*, 09 April. Available at: http://www.theguardian.com/news/2015/apr/09/kremlin-hall-of-mirrors-military-information-psychology (accessed: 24.01.2016).

[35] Как пишет К. Галлахер (Gallagher, 1989: 43): «...мы настаиваем на том, что власть не может быть приравнена к экономической или государственной власти». Власть у новых историков проявляется и в микро-политике современной жизни.

Библиография

Бодрийяр Ж. Реквием по масс-медиа // Поэтика и политика / пер. *М.М. Федорова*. М.: Институт экспериментальной социологии, СПб: Алетейя, 1999.

Гарбузняк А.Ю. Повестка дня СМИ как технология интерпретации // Медиаскоп. 2015. Вып. 1. Режим доступа: http://www.mediascope.ru/?q=node/1684 (дата обращения: 28.03.2016).

Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1974.

Зарецкий Ю.П. История европейского индивида: от Мишле и Буркхардта до Фуко и Гринблатта. М.: ГУ ВЭШ, 2005. Режим доступа: https://www.hse.ru/data/2010/05/05/1216434727/WP6_2005_05.pdf (дата обращения: 28.03.2016).

Зверева Е.А. Журналистика эпохи постмодерна: векторы исследования // Социально-экономические явления и процессы. 2011. №10 (032). С. 265–272

Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография / пер. *Ю.А. Асеева*. М.: Наука, 1980.

Савицкий Е.Е. Дискуссии о сообществах в современной историографии и история раннего Нового времени // Диалог со временем. 2011. № 36. С. 120–139.

Смирнов И.П. Новый историзм как момент истории (По поводу статьи А.М. Эткинда «Новый историзм, русская версия») // Новое литературное обозрение. 2001. № 47. Режим доспупа: http://magazines.russ.ru/nlo/2001/47/smir.html (дата обращения: 28.03.2016).

Соловьева Д.Ю. Новый историзм в творчестве Тома Стоппарда (на примере пьес «Травести», «Берег утопии», «Рок-н-ролл») // Медиаскоп. 2016. Вып. 1. Режим доступа: http://www.mediascope.ru/?q=node/2088 (дата обращения: 29.05.2016).

Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004.

Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996.

Хорольский В.В. Социокультурные аспекты глобализации масс-медиа Запада. Воронеж: ВГУ, 2009.

Эткинд А. Новый историзм, русская версия // Новое литературное обозрение. 2001. № 47. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nlo/2001/47/edkin.html (дата обращения: 28.03.2016).

Babiak P., Neumann C.S., Hare R.D. Corporate psychopathy: Talking the walk. Behavioral Sciences & the Law. 2010. № 28 (2). Pp. 174–193. Available at: http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/bsl.925/abstract (accessed: 22.11.2015).

Barker S. Images of the Sixteenth and Seventeenth Centuries as a History of the Present // Literature, Politics and Theory / Ed. by *Barker F.* London: Methuen, 1986.

Brannigan J. New Historicism and Cultural Materialism. New York: St. Martin's Press, 1998.

Er Z. Tom Stoppard's Arcadia: A Postmodernist. New Historicist Reading of the Play. 2005. Режим доступа: http://dergiler.ankara.edu.tr/dergiler/13/190/1469.pdf (дата обращения: 27.09.2015)

Er Z. Tom Stoppard, New Historocism and Estrangement in Travesties. New Theatre Quarterly. 2005. № 21 (3). Pp. 230–240.

Gallagher C. Marxism and the New Historicism // The New Historicism / Ed. by *Veeser H.A.* London: Routledge, 1989.

Greenblatt S. Learning to Curse. Essays in Early Modern Culture. New York: Routledge, 1990.

Montrose L.A. Professing the Renaissance: The Poetics and Politics of Culture // The New Historicism / Ed. by *Veeser H.A.* London: Routledge, 1989.

Harms J., Dickens D. Postmodern Media Studies: Analysis or Symptom? // Critical Studies in Mass Communication. 1996. № 13(3). Pp. 210–227.

Sinfield A. Faultlines: Cultural Materialism and the Politics of Dissident Reading. Berkeley: University of California Press, 1992.

Notes

1 in 5 Brit Muslims' sympathy for jihadis. *The Sun*. 2015. 23 November. Available at: http://www.thesun.co.uk/sol/homepage/news/politics/6758207/1-in-5-British-Muslims-have-sympathy-for-jihadis-in-poll.html (accessed: 28.11.2015).

British Muslims Poll. *Survation*. 2015. 20 March. Available at: http://survation.com/wp-content/uploads/2015/03/Full-Sky-Muslim-Tables.pdf (accessed: 28.11.2015).

Cox D. Inglourious Basterds is cinema's revenge on life. *The Guardian*. 2009. 20 August. Available at: http://www.theguardian.com/film/filmblog/2009/aug/20/inglourious-basterds-tarantino-change-history (accessed: 10.04.2016).

D'Ankona M. The first world war is still with us. That's why we remember. *The Guardian*. 2015. 02 November. Available at: http://www.theguardian.com/commentisfree/2015/nov/02/first-world-war-jeremy-corbyn-remembrance-day-red-poppy (accessed: 06.12.2015).

Deresiewicz W. Capitalists and Other Psychopaths. *The New York Times*. 2012. 12 May. Available at: http://www.nytimes.com/2012/05/13/opinion/sunday/fables-of-wealth.html?_r=0 (accessed: 22.11.2015).

Epstein E.J. How Crazy Is Wall Street, New York Times? *The Daily Beast*. 2012. 17 May. Available at: http://www.thedailybeast.com/articles/2012/05/17/how-crazy-is-wall-street-new-york-times.html (accessed: 22.11.2015).

Gove M. Why does the Left insist on belittling true British heroes? *MailOnline*. 2014. 02 January. Available at: http://www.dailymail.co.uk/news/article-2532923/Michael-Gove-blasts-Blackadder-myths-First-World-War-spread-television-sit-coms-left-wing-academics.html (accessed: 06.12.2015).

Hohenadel K. Bunch of Guys on a Mission Movie. *The New York Times*. 2009. 06 May. Available at: http://www.nytimes.com/2009/05/10/movies/10hoha.html (accessed: 10.04.2016).

Holiday R. How Your Fake News Gets Made (Two Quick Examples). *Forbes*. 2012. 24 May. Available at: http://www.forbes.com/sites/ryanholiday/2012/05/24/how-your-fake-news-gets-made-two-quick-examples/#135251e17e4f (accessed: 22.11.2015).

IPSO Upholds Complaint That Sun Article was Significantly Misleading. Independent Press Standards Organisation. 2016. 26 March. Available at: https://www.ipso.co.uk/IPSO/news/press-releases-statements.html (accessed: 28.11.2015).

Islamic Identity & Community Relations Survey. *Survation*. 2015. 20 November. Available at: http://survation.com/wp-content/uploads/2015/11/Islamic-Identity-Community-Relations-Survey.pdf (accessed: 28.11.2015).

Khudoy mir luchshe dobroy ssory [A Bad Peace is Better than a Good Quarrel]. Kommersant FM. 2015. 15 December. Available at: http://www.kommersant.ru/doc/2878102 (accessed: 24.01.2016)

Michael Gove's intervention ignores the complexities of conflict. *The Guardian*. 2014. 04 January. Available at: http://www.theguardian.com/commentisfree/2014/jan/04/gove-history-first-world-war (accessed: 06.12.2015).

Poll: Majority Have No Sympathy With Extremists. *Sky News*. 2015. 11 April. Available at: http://news.sky.com/story/1462023/poll-majority-have-no-sympathy-with-extremists (accessed: 28.11.2015).

Pomerantsev P. Inside the Kremlin's hall of mirrors. *The Guardian*. 2015. 09 April. Available at: http://www.theguardian.com/news/2015/apr/09/kremlin-hall-of-mirrors-military-information-psychology (accessed: 24.01.2016).

The Guardian view on the media after Paris: from fear to loathing, by way of made-up facts. *The Guardian*. 2015. 24 November. Available at: http://www.theguardian.com/commentisfree/2015/nov/24/the-guardian-view-on-the-media-after-paris-from-fear-to-loathing-by-way-of-made-up-facts (accessed: 28.11.2015).

Why is Wall Street full of psychopaths? *The Week*. 2012. 01 March. Available at: http://theweek.com/articles/477681/why-wall-street-full-psychopaths (accessed: 22.11.2015).

References

Babiak P., Neumann C.S., Hare R.D. (2010) Corporate psychopathy: Talking the walk. *Behavioral Sciences & the Law* 28(2): 174–193. Available at: http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/bsl.925/abstract (accessed: 22.11.2015).

Barker S. (1986) Images of the Sixteenth and Seventeenth Centuries as a History of the Present. In: Barker F. (ed.) *Literature, Politics and Theory*. London: Methuen.

Baudrillard J. (1999) Rekviem po mass-media In: *Poetika i politika* [Requiem for the Media In: Poetics and Politics]. Moscow: Institut eksperimental'noy sotsiologii, St. Petersburg: Aleteyya.

Brannigan J. (1998) *New Historicism and Cultural Materialism*. New York: St. Martin's Press.

Collingwood R.G. (1980) *Ideya istorii* [The Idea of History]. Moscow, Nauka Publ.

Er Z. (2005 a) Tom Stoppard's Arcadia: A Postmodernist. New Historicist Reading of the Play. Режим доступа: http://dergiler.ankara.edu.tr/dergiler/13/190/1469.pdf (дата обращения: 27.09.2015)

Er Z. (2005 b) Tom Stoppard, New Historocism and Estrangement in Travesties. *New Theatre Quarterly* 21 (3): 230–240.

Etkind A. (2001) Novyy istorizm, russkaya versiya [Hew Historicism, Russian Version]. *Novoe literaturnoe obozrenie* 47. Available at: http://magazines.russ.ru/nlo/2001/47/edkin.html (accessed: 28.03.2016).

Foucault M. (1996) *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti*. Raboty raznykh let [The Will to Truth: beyond Knowledge, Power and Sexuality] Moscow: Kastal' Publ.

Gallagher C. (1989) Marxism and the New Historicism. In: Veeser H.A. (ed.) *The New Historicism*. London: Routledge.

Garbuznyak A.Yu. (2015) Povestka dnya SMI kak tekhnologiya interpretatsii [Media Agenda as a Technology of Interpreting]. *Mediaskop* 1.Available at: http://www.mediascope.ru/?q=node/1684 (accessed: 28.03.2016).

Greenblatt S. (1990) *Learning to Curse. Essays in Early Modern Culture*. New York: Routledge.

Harms J., Dickens D. (1996) Postmodern Media Studies: Analysis or Symptom? *Critical Studies in Mass Communication* 13(3): 210–227.

Hegel G.W.F. (1974) *Entsiklopediya filosofskikh nauk* [Encyclopedia of the Philosophical Sciences]. Vol.1. Nauka logiki. Moscow: Mysl' Publ.

Khorol'skiy V.V. (2009) *Sotsiokul'turnye aspekty globalizatsii mass-media Zapada* [Social and cultural aspects of the western media globalization]. Voronezh: Voronezh St. Univ. Publ.

Montrose L.A. (1989) Professing the Renaissance: The Poetics and Politics of Culture. In: Veeser H.A. (ed.) *The New Historicism*. London: Routledge.

Savitskiy E.E. (2011) Diskussii o soobshchestvakh v sovremennoy istoriografii i istoriya rannego Novogo vremeni [Discussions about community in modern historiography and the history of early modern period]. *Dialog so vremenem* (36):120-139.

Sinfield A. (1992) *Faultlines: Cultural Materialism and the Politics of Dissident Reading*. Berkeley : University of California Press.

Smirnov I.P. (2001) Novyy istorizm kak moment istorii (Po povodu stat'i A.M. Etkinda «Novyy istorizm, russkaya versiya») [New Historicism as the moment of history (About A.M. Etkind article New Historicism, Russian version)]. *Novoe literaturnoe obozrenie* 47. Available at: http://magazines.russ.ru/nlo/2001/47/smir.html (accessed: 28.03.2016).

Solovyova D.Yu. (2016) Novyy istorizm v tvorchestve Toma Stopparda (na primere p'es «Travesti», «Bereg utopii», «Rok-n-roll») [New Historicism in the Writings of Tom Stoppard: a case study of the plays Travesties, The Coast of Utopia and Rock-n-roll]. *Mediaskop* 1. Available at: http://www.mediascope.ru/?q=node/2088 (accessed: 29.05.2016).

Webster F. (2004) *Teorii informatsionnogo obshchestva* [Theories of the Information Society]. Moscow: Aspekt Press Publ.

Zaretskiy Yu.P. (2005) *Istoriya evropeyskogo individa: ot Mishle i Burkkhardta do Fuko i Grinblatta*. [History of the European individual: From Jules Michelet and Jacob Burckhardt to Michel Foucault and Steven Greenblatt]. Moscow, State University Higher School of Economics Publ. Available at: https://www.hse.ru/data/2010/05/05/1216434727/WP6_2005_05.pdf (accessed: 28.03.2016).

Zvereva E.A. (2011) Zhurnalistika epokhi postmoderna: vektory issledovaniya [Postmodern Journalism: Vectors of the Study]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy* 10(032): 265–272.

Поступила в редакцию
18.05.2016